

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ В ГОВОРЕ СЕМЕЙСКИХ КРАСНОЧИКОЙСКОГО РАЙОНА ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Историческое своеобразие формирования семейского говора обусловило пестроту и многообразие его фонетических, морфологических и лексических особенностей. Сложная историческая судьба семейских, неоднократно переселяемых царским правительством с места на место в далеком прошлом¹, не могла не отразиться на всей системе их говора, южновеликорусского в своей основе.

Задача данной статьи — дать описание современного состояния системы именного склонения семейских сел Гутай, Хилкотой, Урлук, Укыр, Менза, Шонуй Красночикойского района Читинской области, определить ее исходный характер, а также инодиалектные наслоения, возникшие в результате многолетнего контактирования с инодиалектной и иноязычной средой — с говорами белорусского языка на Западе и со старожильческими северновеликорусскими говорами в Забайкалье.

Вопрос об именном склонении в целом по семейскому говору Забайкалья еще не ставился, хотя в опубликованных исследованиях отдельные его особенности получили некоторое отражение².

Современный красночикойский говор семейских, как и литературный язык, характеризуется наличием трех родов: мужского, женского и среднего, например: сын м'ан'шой, сымывар гар'ачий; дачка стар'шайа, картошка хрушкайа; свайо мёсть, майо зв'аню.

¹ Подробно об истории носителей семейского говора см.: В. И. Копылова. Фонетическая система говора семейских Красночикойского района Читинской области. Улан-Удэ, Бур. кн. изд-во, 1973.

² См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920; В. А. Белькова. Судьба южновеликорусского говора в условиях инодиалектного окружения (фонетико-морфологический очерк). Автореф. канд. дис. Воронеж, 1970; П. Ф. Калашников. К изучению говора семейских. — "Тр. кафедр рус. яз. Восточной Сибири и Дальнего Востока". Улан-Удэ, 1966, стр. 26-37.

Своеобразием изучаемого говора является частичное разрушение категории среднего рода. Об этом свидетельствует тот факт, что прилагательные, неличные местоимения, порядковые числительные, согласуемые с именем существительным среднего рода, употребляются в формах женского или мужского рода, например: адин дит'о, лицо белый, чудной сувет:а, майа мят'йо, ус'а стада, ус'у лету, ус'у сабран:у и т. п. Подобное явление наблюдал в говоре семейских 50 лет назад и А. М. Селищев¹. Причины его еще недостаточно выяснены, и по этому поводу высказываются различные суждения.

Большинство исследователей южновеликорусских говоров², в которых преобладающей трансформацией является переход существительных среднего рода в парадигму женского рода, указывают в данном случае на фонетические причины: безударные конечно о, е в именительном падеже единственного числа произносятся как а, то есть появление аканья создает фонетические предпосылки для смешения и перехода имен среднего рода в женский.

Переход имен существительных среднего рода в женский в семейском говоре, по нашим наблюдениям, происходит как в словах с безударной флексией, так и с ударной. Например, зафиксированы следующие имена существительные с безударной флексией: ус'а стада, майа пызвален:а, большайа пьр'ятамлен:а, харош'яа пыстынавлен:а, худайа паветр'а, ны с'амайску'ю кладбиш:у, майа прыхаджен:а служб; имена существительные с ударной флексией: майа мят'йо, плах'яа жыт'йо, нов'яа такс'а, тайа руж'йо.

Процесс утраты категории среднего рода, замещение его формами женского рода, по мнению некоторых исследователей южновеликорусского наречия³, имел определенные ступени в своем развитии. Так, видимо, безударные окончания прилагательных при существительных среднего рода вначале просто совпадают с безударными окончаниями прилагательных при существительных женского рода (совпадения уда-

---

¹ См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы ..., стр. 61.

² См.: Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Варшава, 1892, стр. 103; С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. I. Л., 1927, стр. 49-65; С. С. Высокский. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. - "Докл. и сообщ. Ин-та рус. яз. АН СССР", вып. I. М., 1948, стр. 81 и след.; С. И. Котков. К изучению орловских говоров. - "Учен. зап. Орловского пед. ин-та", т. VII, вып. 3. Орел, 1952, стр. 59-60.

³ См.: В. Н. Новопокровская. О некоторых морфологических особенностях рязанских говоров XVII в. (имя существительное). - "Учен. зап. Орловского пед. ин-та", т. XIII, вып. 7. Орел, 1958; С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., Изд-во АН СССР, 1963.

ряемых окончаний существительных еще нет): новьяа дела как новьяа с'ла. Но этот фонетический факт — всего лишь предпосылка к развитию утраты категории среднего рода, а не явление его утраты. Затем в процессе длительного и массового закрепления это фонетическое обобщение становится морфологическим, что служит необходимой предпосылкой обобщения также и ударяемых окончаний.

Таким образом, на первой ступени утраты происходит обобщение ударяемых окончаний прилагательных, при этом форма среднего рода прилагательного заменяется формой женского рода, если определяемое существительное имеет безударное окончание: другаяа пол'а как другаяа н'ан'а; на второй ступени то же самое наблюдается у существительных среднего рода с ударяемым окончанием: бал'шайа в'адро; на третьей ступени в сочетаниях типа другаяа пол'а и особенно бал'шайа в'адро родовая характеристика существительного уже концентрируется в прилагательном, вследствие чего и прилагательные с безударным окончанием немужского рода осознаются уже как более или менее самостоятельные выразители категории женского рода и в таких сочетаниях, как, например, дал'окьяа с'ало.

Сосредоточение родовой характеристики имени существительного в прилагательном может вести к утрате существительным ударяемого окончания среднего рода и приобретению им ударяемого окончания женского рода в соответствии с ударяемым окончанием прилагательного, которое определяет существительное, например: майа жит'йа.

В изучаемом семейском говоре представлены все ступени утраты категории среднего рода: а) плахайа сабран'а, худайа извест'а; б) плахайа мыт'йо, бал'шайа такс'а; в) ус'акайа м'аса, новайа прыказан'а.

Об утрате категории среднего рода свидетельствует склонение имен существительных среднего рода по женскому продуктивному склонению (хотя полной замены склонения по женскому роду не наблюдается): ус'у сабран'у прысидела дали ны иголных; пид йету сиден'у-та чо жа пылажд'ба?; ус'у лету зазр'а прыждыла; йон павидлу н'а ист; ны такс'у сп'ашу-на; грех — в арех, а йадрышку — в рот; па ус'ой дытан'и дышыш; биз ус'акый пызвален'и вйехыла ана ат мине; йон сымит'аружыу свау; куды пын'ас'обш йайу ны кладбиш'у; пласт з'олыт'й ны гутару¹ укыдаиш².

О разрушении категории среднего рода говорит и форма глагола-сказуемого прошедшего времени женского рода, согласуемого с под-

¹ Гутара — деревянный ящик для промывки породы при ручном способе добыwania золота.

² Примеры приводятся в основном в винительном падеже, так как в изучаемом говоре это наиболее употребительный из косвенных падежей имен существительных.

лежащим, выраженным именем существительным среднего рода: майа движен:а худа́йа стала; пирьта́млен:а ба́л'шайа мне была; у вас наро́шна была в'анча́н:а, а у нас-ть правды́шнайа; майа прыха́джен:а службы́ была така́йа.

С. И. Котков, исследуя южнорусские письменные памятники ХУП века, пришел к выводу, что процесс разрушения категории среднего рода проходил довольно интенсивно и в прошлом, до ХУП века, но за последние три столетия утрата категории среднего рода не получила дальнейшего развития, то есть все, что имеется в этом отношении в южновеликорусских говорах, достигло в них своего развития уже в ХУП веке¹, хотя, как отмечает С. И. Котков, полного объединения парадигм имен женского и среднего родов нет. И тем не менее С. И. Котков отрицает положение С. П. Обнорского о растущем процессе разрушения категории среднего рода после ХУП века.

Наши же данные по современному семейскому говору, южнорусскому в своей основе, свидетельствуют о том, что разрушение категории среднего рода — процесс живой, распространяющийся и на слова современной советской действительности, например: такс'а пришла; пры йа́йу пыстына́влен:у-ть гыварит' будут пы ре́диве.

Переход существительных среднего рода в женский, судя по имеющимся у нас сведениям, — явление сравнительно редкое в семейском говоре. В большинстве случаев существительные среднего рода переходят в мужской. Этот переход объясняется морфологически: совпадением в большинстве падежей форм мужского и среднего родов, что создает благоприятные условия для приведения в единообразие парадигмы среднего рода с парадигмой мужского. Необходимо при этом учитывать, что на современном этапе слова среднего рода в количественном отношении значительно уступают словам мужского. Примеры: вон ны гары сонца выскы́чил; лисо белый, как сн'ажок; хоро́шый гысударства наш, ус'о хачу блыгы́дартыват; у нас наречий как был старый, так и асталс'а, мы йаво никак н'а м'ан'аим; вот какой серса до́брый был; выс: тан:а ишол — кызыка убили; сусвет:а чудной пашол и другие.

На переход существительных среднего рода в парадигму мужского указывают определения (прилагательные, местоимения, числительные), употребляемые в формах мужского рода (адин в'адро, ка́жный словь), а также глаголы прошедшего времени (пис'мо был, вас:тан:а ишол).

Изменение грамматического рода повлекло за собой выравнивание основ существительных среднего рода по мужскому роду: пыльтенис,

¹ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие ..., стр. 145.

рызв'лак (развлечение), н'адайт (недоедание), наречий (наречие), п'р'ажну (переживание), крылес, ботыл; таковъ уш нету рызв'лаку; мылд'ажу мал у с'але; у вайну н'адайт был бал'шой; п'р'аживу скол'было; ботыл шыпкь: т'о н'а надь балтаит⁴; наречий как йаво агывариш и т. д.

Стремление к выравниванию основ, диктуемое общей тенденцией к утрате категории среднего рода, привело к отпадению суффикса -ани-(е): н'адайт < недоедание, пер'ажну < переживание.

В старообрядческих селах Ветковского района — бывшей метрополии семейских — наблюдается сравнительная ограниченность утраты категории среднего рода. По нашим наблюдениям, средний род трансформируется и в мужской, и в женский с незначительным преобладанием последнего. Примеры трансформации в женский род: гной вывоз'ут' у пол'у; нам была такайя пр'ыписан':а; ана у хорми натходит' т'еста; скал'оп'чик у тем'у у самуйу шпал; кастру' выбивали' трапалк'й; н'а свайа стада, куда пайд'ош; т'апер'а пад лектру делают' п'н'кадилу, лектру т'апер'а пар'ут; трансформации в мужской род: цыбарка — йета в'адро дир'ав'ан:ий, бандар делат; мене сердца был'ной; в йет'т урем'а йа стал библ'атек'р'ем; куриный йаичк' йес'.

Ограниченное количество примеров утраты категории среднего рода в старообрядческом ветковском говоре объясняется, возможно, тем, что на протяжении последних трех столетий он находится в окружении белорусских говоров, для которых не характерна замена среднего рода мужским или женским¹.

Во всяком случае, на основании незначительного количества сопоставительных данных, полученных нами за период одной поездки в Ветковский район, трудно судить, какой тип трансформации среднего рода преобладал в говоре семейских в момент их высылки в Забайкалье.

Можно только сделать предположение о том, что тенденция перехода существительных среднего рода в категорию мужского — характерная черта северно- и среднерусских говоров — получила развитие в южновеликорусском говоре семейских благодаря северновеликорусскому окружению говоров сибиряков и прежде всего тому, что семейский говор в недостаточной степени развил в себе противоположную черту — трансформацию парадигмы среднего рода в парадигму женского (что казалось бы закономерным в южновеликорусском типе говора, где переходу существительных среднего рода в женский способствует

---

¹ См.: Т. П. Ломтев. Белорусский язык. М., Изд-во МГУ, стр. 52-54.

аканье, и тем не менее не стало закономерностью благодаря былому сдерживающему влиянию окружающих белорусских говоров, для которых трансформация категории среднего рода чужда). Слабое развитие одной тенденции (изменение парадигмы среднего рода в парадигму женского) обусловило появление в говоре другой, противоположной тенденции (трансформации категории среднего рода в категорию мужского), дальнейшее ее развитие и перерастание в закономерность.

В единичных случаях в семейском говоре наблюдается переход существительных мужского или женского родов в категорию среднего рода: бър'асто жгли; кынап'о тьр'абили; адну нагу у кастро (костер) забр'осил. Переход в категорию среднего рода существительных типа "конопля" мог произойти, очевидно, после того, как существительные среднего рода на -о, -е вследствие фонетических причин стали принимать окончание -а и переходить в женский род. После этого появилась возможность смешения с этими существительными исконных слов женского рода на -а. В данном случае возможно и влияние существительных первого склонения типа собственных имен Ван'а, Кал'а (Коля), Тал'а (Толя), Хвил'а, где ударение падает на окончание, как и у слов "смола", "конопля". Приведенные собственные имена могут выступать в семейском говоре в форме обращений: Ван'о, Кал'о, Тал'о, Хвил'о.

О подобных заменах свидетельствуют также сказуемые в прошедшем времени, употребляющиеся иногда в форме среднего рода при существительных-подлежащих женского рода: па опшыму зыбыл'аван:у была йапу утарайа групша; тут магло ризаушына пылучиц:а; л'ахко пышла работа.

В говоре же ветковских старообрядцев таких аналогических замен нами не обнаружено, что свидетельствует о сравнительно ограниченном действии тенденции утраты категории среднего рода.

В краснотичинском говоре наблюдается также взаимопереход существительных мужского и женского родов, что является следствием влияния одних основ на другие, а также представления о поле у существительных одушевленных. Например, в результате влияния одних основ на другие перешли в мужской род слова: работа, награда, берлога, молодежь, паника, хмара и другие: а ни такой жа паник, падн'алс'а; згр'аби вали сена - вот те и работ будът; разв'а хмар какой? хмар'дак йси увес'хлеп папор'ит; награт харошы пылучил у Масквы; ст'агам пыдапр'оп м'арлох йавон:ый и жд'ош; мыльд'ажу многа.

Взаимовлияние основ сказалось и на переходе существительных мужского рода в категорию женского рода: папопа нас рыз'арила; панижа па речкь там другайа пл'оса йес; адриски твайой нет у мене, йа пачом знайу кудн писат; кантрахту закл'учиш с хаз'айнъм,

патом уш пар'а никуды; картофа нони худаѳа; наша матор, а лотка - Кул'мына (брыццѳа); Вийитнама - та ус'о д'ар'оц'а ана, ай нет? ны зарныбтку йеду летым; мытасыклу прыдат'нада; три метры клийанки уз'али.

Переход существительного картофель в разряд слов женского рода (картофа) мог произойти под аналогичным воздействием со стороны существующего в говоре синонимического варианта бул'ба. Точно так же существительное заробток, по-видимому, переходит в категорию женского рода под воздействием существительного работа.

Особое место занимают существительные кедр, литр, свитер, метр - иноязычные образования с конечной группой согласных. Их переходу в женский род способствовало стремление дополнить конечную труднопроизносимую группу согласных тр, др гласным элементом, вокальным условием для произношения последнего согласного: свитра бранѳа, к'адра улаушы, две литры.

Необходимо также отметить наличие в красночкойском говоре параллельных вариантов: лисо белѳй - лисо белѳа, крыло худой - крыл'со худойа, майа мыт'йо - майо мыт'йо, мой кал'со - майо кал'со, что свидетельствует о влиянии литературного языка на систему говора.

Таким образом, красночкойский говор в его современном состоянии характеризуется наличием трех родов. Процесс утраты среднего рода ограничивался в прошлом бывшим влиянием окружающих белорусских говоров Ветки, на современном этапе - воздействием норм русского литературного языка. Причем, в говоре красночкойских семейских наблюдается сравнительная ограниченность перехода существительных среднего рода в женский род, в то время как в большинстве родственных южновеликорусских говоров утрата среднего рода, переход имен существительных среднего рода в женский - живая специфическая черта.

Переход существительных среднего рода в женский большинство исследователей объясняет фонетическими причинами, а именно: с появлением аканья создаются предпосылки для смешения и перехода имен среднего рода в женский.

Семейский говор, носителями которого были исконные жители южновеликорусских областей, несомненно, испытал на себе влияние аканья, распространившегося предположительно в южновеликорусских говорах в XIV-XV веках. Но в дальнейшем, когда носители семейского говора оказались в районе Ветки, произошла изоляция от осталь-

---

См.: П. А. Ра ст о р г у е в. Говоры на территории Смоленщины. М., Изд-во АН СССР, 1960; С. С. В ы с о т с к и й. Указ. соч.

ной южновеликорусской акающей территории. В связи с этим процесс перехода существительных среднего рода в женский был ограничен: семейский говор попал под влияние белорусских говоров, в которых аканье развивалось значительно позднее. О позднем развитии аканья в белорусском языке свидетельствует М. А. Жидович¹. Кроме того, белорусским говорам вообще чужда замена категории среднего рода женским², поэтому можно предположить, что белорусское влияние — одна из причин ограничения перехода существительных среднего рода в женский в семейском говоре.

Тенденция замены категории среднего рода мужским у семейских развилась уже в Сибири под влиянием окружающих сибирских старожильческих говоров.

Таким образом, переход существительных среднего рода в мужской является характерной чертой семейского говора, наблюдаемой повсеместно в общепотребительных словах.

Единственное число

Первое склонение

Распределение имен существительных по падежам в красночичковском говоре происходит на основе родового принципа. Первое склонение, как и в литературном языке, охватывает имена существительные женского, мужского и общего родов с флексией -а (-я). Но в изучаемом говоре первое склонение по своему составу несколько шире, чем в литературном языке, так как оно включает в себя имена, исторически восходящие не только к основам на -а и -ја, но и к основам на -й и согласный звук. Имена существительные бывшей основы на согласный с суффиксом -ъв - в словах типа церковь, морковь, свекровь, с суффиксом -ер- типа мать, дочь еще в дописьменный период распределялись между двумя типами склонения — с основами на -а и -і. Этот процесс сопровождался выравниванием фонетического облика слова по модели парадигмы женского рода на -а или с нулевым окончанием. Формы именительного падежа единственного числа серква, морква, св'акрова встречаются в говоре наряду с формами серкау, маркоу, св'акроу. При этом существительное свекровь очень часто принимает суффикс -уха: св'акруха. Наряду с формами мать, дочь, употребляются формы с суффиксом -к-: матка, дачка.

¹ См.: М. А. Жидович. Именное склонение в белорусском языке (имя существительное). Автореф. докт. дис. Минск, 1958.

² См.: Т. П. Ломтев. Указ. соч.

К этому же склонению относятся слова, которые в литературном языке включаются в 3-е склонение. Это имена существительные с бывшей основой на *-i* женского рода, которые также видоизменили форму именительного падежа по образцу имен существительных на *-а*: пастел'а, м'ател'а, купел'а, жзн'а, гармон'а. Аналогичное явление отмечено в говорах материнской Курско-Орловской группы¹. В курских говорах произносят св'акрова, св'акруха, церква, маркова.

В говоре обследованных нами сел Ветковского района Гомельской области также отмечено изменение форм именительного падежа существительных бывшей основы на *-i* женского рода по образцу имен существительных на *-а*: жзн'а н'а йакайна пашля; супон'а парва-тайа; ран'шы на свад'бы гармон'а была и т. д. Здесь также широко распространены формы морква, церква, св'акрова, а также существительные мать, дочь с суффиксом *-к-*: матка, дачка.

В 1-е склонение, как показывают наблюдения, вошли некоторые существительные, относящиеся в современном литературном языке ко 2-му склонению: танка, литра, мханизма, мытаськла, патопа, Вийтнама, пыстынавлен:а, кедра, зарыбытка, испуга, абр'ада (наряд), банка, бланка, тигра, пл'оса.

С. П. Обнорский причинами всех этих новообразований считает явления морфологического характера: "... под влиянием обычных в языке отглагольных имен существительных на *-ка* жен. рода, как носка, лежка, посадка, смазка и т. п., явились новые образования по женскому роду - заработка, поступка, заморозка, выводка, от-тенка и т. п., несмотря на то, что варианты этих слов по м. роду иногда соединились с особыми оттенками значения... В ряде случаев варианты слов на *-а* падают на отвлеченные (отглагольные) существительные, являющиеся церковнославянским наслоением в русском языке, свидетельствуя данным морфологическим признаком о своем большем обрусении. Причину этого явления следует усматривать во влиянии обычных в живом языке отвлеченных имен существительных именно на *-а*: вреда, испуга, аряда, пакоя, приута, укора..."

---

¹ См.: В. И. Чагкшева. К изучению курско-орловских говоров. - "Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та", т. 92, 1953; е е же. С брянских говорах. - "Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та", т. 130, 1957; Н. П. Гринкова. Заметки о калужских говорах. - "Мат-лы и исследования по русской диалектологии". М., Изд-во АН СССР, 1949.

² М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. - "Сб. ОРЯС АН", т. 76, № 5. СПб., 1904; А. С. Машкин. Об особенностях обоянского простонародного говора. - "Тр. Курского губернского стат. ком.", 1863, вып. 1.

³ С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. 1, стр. 37.

В говоре ветковских старообрядческих сел также наблюдается склонение по I-му типу у существительных мужского рода, относящихся в литературном языке ко 2-му типу склонения: тихайа пл'оса, мытаццкля, камбайна; пасматр'у на п'япилиш:у и т. д.

Родительный падеж

Для родительного падежа существительных, изменяющихся в говоре по I-му типу склонения, характерны в основном флексии, совпадающие с соответствующими флексиями литературного языка: хаты, вады, зимы, з гр'ады, у с'астры, з д'аревни, три н'адежи, св'акровы не-ту-ка.

Встречаются в говоре и формы родительного падежа с флексией -е, восходящей к флексии имен существительных старой основы на -ја. Флексия -е выступает как под ударением, так и в безударном положении (в виде -е или -и): у с'астре, из муке, кула урге (топоним), у жане, з:а р'аке; ат кантори, с работи, куль карови. В ветковском старообрядческом говоре формы на -е также употребительны: ат ваде, з галаве, с наге и другие. Кроме того, формы на -е широко распространены в орловских и курских говорах². Формы на -е, -и в русском селе Леонтьево Ветковского района отмечены А. Ф. Манаенковой³. Таким образом, наличие форм на -е в материнских и ветковских говорах доказывает родство семейского говора с исходными южновеликорусскими.

Причиной возникновения флексии -е в родительном падеже существительных женского рода А. И. Соболевский и А. А. Шахматов считают воздействие со стороны членных прилагательных, в которых формы родительного и дательного-местного падежей совпали⁴. С. П. Обнорский рассматривает появление флексии -е как результат взаимодействия твердой и мягкой разновидностей склонения⁵. С особенно-

¹ См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров. стр. 72-77; М. Г. Халанский. Указ. соч., стр. 13; В. И. Резанов. Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского уезда Курской губернии. - "Изв. ОРЯС АН". СПб., 1912, стр. 245.

² См.: Г. В. Денисевич. О падежных флексиях существительных на -а в местных говорах. - "Учен. зап. Курского пед. ин-та", вып. 9. Курск, 1959, стр. 150-172.

³ См.: А. Ф. Манаенкова. Морфологические особенности говора с. Леонтьево Добрушского района Гомельской области. - "Исследования на белорусской и русской мовах". Мичск, 1958. стр. 195-196.

⁴ См.: А. И. Соболевский. Очерки по истории русского языка. Киев, 1884, стр. 152; А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., Учпедгиз, 1957, стр. 344.

⁵ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. 1, стр. 87

стями реализации губно-губного в в южновеликорусских говорах уязвляет появление флексии -е в родительном падеже единственного числа М. Ф. Моисеенко¹: звуковое совпадение в и у содействовало солижению окончаний родительного и предложного падежей единственного числа женского рода. Подобного мнения придерживается и В. А. Белькова².

Вполне возможно, что причиной унификации падежей флексии родительного и предложного падежей единственного числа женского рода явилось совпадение предлогов в и у, вызванное особенностями реализации в говоре губно-губного в. Ускорению этого процесса могло содействовать аналогичное воздействие со стороны членных прилагательных женского рода, в которых формы родительного и дательного падежей совпали, а также тенденция к унификации падежных форм внутри одного типа склонения, вызванная взаимодействием твердой и мягкой разновидностей одного и того же типа склонения. В связи с этим мнение В. А. Бельковой, рассматривающей явление совпадения предлогов в и у в качестве основной причины появления флексии -е в родительном падеже женского рода безотносительно к процессу взаимодействия, взаимовлияния, унификации всех типов склонения в русском языке, получившего свое развитие с древнейших времен (В. И. Борковский предполагает, что этот процесс мог начаться еще в дописьменную эпоху), представляется несколько односторонним³.

Дательный падеж

В семейском говоре в дательном падеже единственного числа имена существительные твердой и мягкой разновидностей имеют те же флексии, что и в литературном языке, то есть -е (без ударения -и). Примеры с ударенной флексией: пн траве, к р'аке, к с'астре, г жане, г з'амле, к с'ам'йе, к ваде, к дыске, к пыльн':е; с безударной флексией: к мамь, к сусэтькь, к почть, к падушть, к св'акрусь и другие.

Часто встречаются формы на -ы (под ударением и в безударном положении) после твердой и отвердевшей согласной: плат:а ш'йу кукля, пн гыльвы, пн даскы, к с'астры, пн жары, к ламы; пытарчина хлопнула пн гылавы, йа шпускальс'йады, пн жары дрыва тыскат'чьжало и т. д.

¹ См.: М. Ф. Моисеенко. Об одной особенности склонения имен существительных в русских говорах Казанского Поволжья. - "Учен. зап. Казанского ун-та", т. II9, кн. 5. Киев, 1959, стр. 243.

² См.: В. А. Белькова. Указ. соч.

³ См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., "Наука", 1965.

Для имен существительных мягкой разновидности характерна соответственно ударная флексия -и: пы з'амли, к радни, к свин':и, па ус'ой дыхан':и; с палуби, ат спуги (от испуга).

С. П. Обнорский формы типа по з'амли квалифицирует как архаизмы старой системы склонения основы на -а и утверждает, что она встречается в тех южновеликорусских говорах, которые не знают употребления дательного на -ы¹.

Говор семейских не подтверждает подобного взаимоисключения в употреблении данных форм; здесь встречаются как формы на -и, так и на -ы. В таком своеобразном оформлении дательного падежа единственного числа имен существительных на -а в семейском говоре сказалось, очевидно, взаимодействие между твердой и мягкой разновидностями склонения. Флексия -ы свидетельствует о былом влиянии существительных I-го склонения мягкой разновидности на твердую: к с'астры, к свад'бы, к серквы. Флексия же -и - или старая архаическая флексия мягкой разновидности склонения, или результат редукции ъ, усвоенного мягкой разновидностью склонения из твердой.

Формы на -ы доминируют в говорах Курско-Орловской группы. В орловских говорах эти формы встречаются преимущественно в западных, граничащих с брянскими говорами².

В курских говорах эти формы отмечались рядом исследователей³. По мнению С. И. Коткова, эти формы в течение последних трех веков являются органической принадлежностью южновеликорусского наречия⁴. В говоре ветковских старообрядческих сел также встречаются формы на -и (-и): па йаво проз'бы, па старины, па целай карзины, па новай моды, па травы; па з'амли, к свин':и. Эти формы отмечены и в русском селе Леонтьево Ветковского района⁵.

По употреблению форм дательного падежа на -ы говор семейских, как видим, сходен с материнскими говорами Курско-Орловской группы, а также с ветковскими старообрядческими говорами. Исследователи, занимавшиеся семейскими говорами Улан-Удэнского аймака Бурятской АССР, на Алтае, в Читинской области также отмечают эту

¹ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 250-251.

² См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. 26.

³ См.: В. Рязанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губернии. - РГВ, 1897, № 3-4, стр. 34; А. С. Машкин. Указ. соч., стр. 543-557.

⁴ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие ..., стр. 179.

⁵ См.: А. Ф. Мананкова. Указ. соч., стр. 196.

особенность¹. В дательном и предложном падежах у имен существительных женского рода и в предложном падеже у имен существительных мужского и среднего родов нами отмечены формы, в окончании основы которых имеет место свистящий с' на месте заднеязычного х': к св'акруси, к старуси, у цеси (в цехе), в уси (в ухе).

Винительный падеж

Формы винительного падежа, как и в литературном языке, имеют флексии -у (-ю): ны пасху, у суб:оту, пы талкушку, ны зарыбытку, у пышаницу; на дол'у, ны пастел'у, сызавут радн'у, на пол'у и т. д. Как видно из примеров, флексию -у (-ю) принимают также существительные старой основы на -і, перешедшие в І-е склонение.

В названных формах ударение часто перемещается на основу: зы нагу, ны спину, ны гылаву, зы руку, лит'ваду, зы даску, зы саху, у бырад'у, пы ваду, пы дачку, ны качку. Подобное явление наблюдается во многих говорах южновеликорусского наречия². По мнению С. П. Обнорского, оно развилось в целях выравнивания места ударения по всей парадигме склонения. Эта особенность присуща также говорам Орловской области и северо-восточным белорусским говорам³.

В семейском говоре иногда наблюдается форма винительного падежа на -а (-я): пашла бан'а тапит (пошла баню топить); касá в рути - и пашол (косу в руки - и пошел); вада пьр'ашлыт нада (воду переплыть надо). Отмечена также форма: карова вады н'а ид'от (через реку).

Встречаются случаи, когда ударение перетягивается с предлога на окончание: ускатил ны нага (на ноги).

В изученных нами ветковских говорах основной флексией винительного падежа является -у: у школу, у церкву, у чужуйу радн'у, у тойу пл'осу; у свайу старану, падуольву, на кудел'у, у р'ашку (в лохань). Ударение с основы также перемещается на флексию: касу пл'атут', ваду н'асут'.

---

¹ См.: П. Ф. К а л а ш н и к о в. Указ. соч., стр. 33; В. А. Б е л ь к о в а. Указ. соч., стр. 22; Е. Н. С т р е п к о в а. Переселенческий южнорусский говор Верх-Убинского района Восточно-Казахстанской области в севернорусском окружении. Автореф. канд. дис. М., 1954.

² С. И. К о т к о в. Южновеликорусское наречие..., стр. 87-88; Нарысы на беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964, стр. 186.

³ С. П. О б н о р с к и и. Указ. соч., стр. 275.

В творительном падеже существительные I-го склонения имеют флексию позднего происхождения -ои (-ей). По мнению А. И. Соболевского¹, эта флексия возникла фонетическим путем вследствие редукции конечного безударного у: ойу > ои. Возникновение редукции могло быть вызвано стремлением формы родительного падежа уподобиться в отношении количества слогов в парадигме склонения всем остальным падежным формам². Эта тенденция, в свою очередь, могла вызвать изменения фонетического плана: конечный -у в сложном окончании -ойу по ряду причин становился кратким звуком, затем, находясь в позиции после согласного в конце слова, утрачивался.

В. А. Белькова появление флексии -ой объясняет аналогичным воздействием со стороны определяющих прилагательных в том же самом падеже³. Аналогичное воздействие со стороны определяющих прилагательных, действительно, могло оказать поддержку в развитии общей тенденции, выраженной в стремлении форм родительного падежа уподобиться в отношении количества слогов всем остальным падежным формам в парадигме склонения.

С. П. Обнорский утверждает, что в южновеликорусских говорах формы творительного падежа на -ою и на -ои употребляются равномерно⁴. В красночкойском говоре, по нашим наблюдениям, доминируют формы на -ой, а формы на -ою встречаются только в фольклорных произведениях: *сымаукы мин'а зав'от*; *холст бучут' вадой и залой*; *бугулой ишол*; *чапурой, харганой* (вид кустарника), *оул' бьи, хмар'ей, лытк'ей, брнчк'ей, курсиеи, бан'ей, волыи*; фольк.: *пачаму жа нь па здраву л'убит' правдайу ня стал?*

В говоре ветковцев также преобладает флексия -ой, например: *лапатк'ей, к'панц'ей, ш:ал' ов'чк'ей; вадой, з'амл'ои*. Краткая флексия -ои преобладает и в юго-западных областях Белоруссии⁵.

Предложный падеж

Флексия предложного падежа -е (в безударном положении -и) сов-

¹ А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, стр. 94.

² См.: А. А. Ш а х м а т о в. Историческая морфология русского языка. М., Учпедгиз, стр. 540; С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. I, стр. 276.

³ См.: В. А. Б е л ь к о в а. Указ. соч.

⁴ См.: С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. I, стр. 277.

⁵ См.: Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы, т. 2. Варшава, 1912, стр. 166.

падает с литературной, например: в р'аке, у гылаве, ны стыране, в был'атеки, ны машины, у марти, у кабини.

Случаи с ударенной флексией -и характерны не только для существительных мягкой разновидности, но и твердой: ны одной наги, ны манзи, у был'аги (Баляга - топоним), у качки. Возможно, что подобные формы появились в результате взаимодействия твердой и мягкой разновидностей склонения, благодаря чему выравнивание падежных флексий предложного падежа могло проходить не только по образцу твердой разновидности, но и в соответствии с древнерусским мягким вариантом. Здесь могло оказать влияние и аналогичное воздействие со стороны вторично образованных форм дательного падежа на -и.

С. П. Обнорский считает, что формы предложного падежа типа в с'ам'ийи встречаются в южновеликорусских говорах, которые не знают употребления предложного падежа на -и¹. Но в семейском говоре, напротив, очень часто встречаются формы на -и, сложившиеся исторически под влиянием форм на -и мягкой разновидности склонения, например: п'асочик ст'алили узби (в избе), бугалтирьм на шотный машины работаит; тьи ны кытанцы живут; в нужды век жыву; хлеб смалол у жел'итыи; у бригады работаит; в этой вайны ус'о па нашим пл'ачам прыкатилъс; зольть ны гутары астайоц:а; ны св'ажыны были. Эти формы типичны и для материнских курско-орловских говоров. Данные памятников южновеликорусской письменности также не подтверждают мнение С. П. Обнорского².

В ветковском русском говоре нами также зафиксировано употребление предложного падежа с окончанием -и существительных женского рода с твердой основой, оканчивающихся на -а: на родины, на нарвы был случай, на украины к'раба были, у одной хаты, у канцы канцоў, на свайой нивы, у артистѣу на сцѣны, у старины так было, каша на марквы, у ст'аны десьт'аршын.

Отмечены случаи с ударной флексией -и у существительных мягкой разновидности склонения: нь з'амли, у сам'ийи, у палан':и, нь свин':и.

¹ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 250.

² См.: "Русская диалектология". М., "Наука", 1964, стр. 277; С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. 80; К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М., "Просвещение", 1970, стр. 130; М. Г. Халанский. Указ. соч., стр. 234.

³ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие... стр. 182.

Звательные формы

Одушевленные имена существительные I-го склонения имеют особую звательную форму, представляющую собой усеченную форму именительного падежа: мам, пап, бап, л'уп, свет, нат', марус'.

Иногда сохраняются и старые звательные формы древнерусского склонения на -о: ван'о, тал'о, кал'о, мамо.

В большинстве случаев в функции обращения выступает обычная форма именительного падежа единственного и множественного числа: ма́ма, ба́т'а, ла́вря, хви́рса, хвама́йда, йа́р'ома.

Второе склонение

В красночикойском говоре по образцу 2-го склонения изменяются имена существительные мужского рода с нулевой флексией, а также имена среднего рода на -о, -е. Парадигма 2-го склонения распространяется также на имена существительные иноязычного происхождения (у пал'те, у д'апу), среднего рода на -мя (па врем'у, у самую тем'у), на существительное путь, а также на отдельные имена существительные, изменившие по ряду причин свой грамматический род (хмарь, корь).

Родительный падеж

В изучаемом говоре, как и в литературном языке, функционируют флексии -а, (-я) и -у (-ю), распространяющиеся не только на существительные с древними основами на -о, -jo, а также и на существительные с другими древними основами, вошедшими по каким-либо причинам в этот тип склонения. Формы на -а, как показывают наблюдения, в говоре преобладают: гурана, быка, к'адроунька, ту-луна́, увала́, кина́, пал'та́, хмарьва́, с'ал'па́, с Улан-Уда́, куста́ н'а оыло́, сылнап'ока́, сивьра́.

В Курско-Орловской группе говоров наблюдается колебание в употреблении форм на -а и на -у^I.

В красночикойском говоре шире, чем в литературном языке, распространена флексия -у (-ю), исторически восходящая к форме родительного падежа существительных со старой основой на ий. Если в литературном языке формы на -у употребляются только у имен существительных вещественных, собирательных, отвлеченных, то в исследуемом говоре флексия -у (-йу) распространяется также на имена

^I См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. 74.

существительные конкретные. Чаще всего это имена существительные с ударением на основе (реже — на флексии), имена без предлога и с предлогами с, от, у, до, для, без: закону нету, йа жиндинскъвъ приходу, дл'а моху пас убирайт, пришол с плену, зачал стр'ал'ат с ут'осу, дав'ос ды пьр'авозу; отвлеченные собирательные и вещественные имена существительные: приятньвъ им сну; атс'олу байальс' (отселения); з гольду здохнъш; страху нъб'ар'ос :а; станкан трахмалу, двор дль скату.

Формы на -у встречаются в устойчивых фразеологических оборотах: з жыру бес'уц:а, стыду нет, приятньва сну.

Иногда формы на -у представлены собирательными одушевленными существительными со словами много, мало, сколько: народу многъ, скату у ей скол, мыльд'ажу маль сталь у с'але.

Существительное день в родительном падеже единственного числа имеет форму дни: ды п'атрова дни, трът'аводни.

Распространение флексии -у на родительный падеж существительных 2-го типа склонения — результат влияния старого склонения основ на ий на старое склонение на о¹. Проявления этого процесса применительно к русскому языку в целом неоднократно связывали с определенными лексико-семантическими группами имен мужского рода: вещественными, собирательными, отвлеченными именами или со значением места, местности, то есть увязывали этот процесс с действием семантического фактора². С. П. Обнорский считает, что в истории русских диалектов не все случаи форм на -у могут быть объяснены семантическим моментом. Первопричиной образований родительного падежа на -у он считает ударяемость основы: флексию -у сначала приобретали имена с ударением на основе, а формы типа в гназду с ударением на окончании — позднего происхождения³.

По этому вопросу наиболее приемлемой можно считать точку зрения С. И. Коткова, который отрицает взаимоисключающее противопоставление семантического и акцентологического моментов, так как "относительность род. на -у к определенным семантическим группам сочетается в общем с отнесенностью их к определенному акцентоло-

---

¹ См.: А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка, стр. 170.

² См.: А. А. Ш а х м а т о в. Историческая морфология русского языка... стр. 240-247; Л. А. Б у л а х о в с к и й. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958, стр. 134-135; Ф. П. Ф и л и н. Очерк истории русского языка до XIV столетия. — "Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та", т. 27. Л., 1940, стр. 124-125.

³ См.: С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. I, стр. 106 и след.

гическому типу. Очевидно, в истории род. на -у действие этих моментов сочеталось¹.

Анализ форм на -у в исследуемом говоре позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Как и в литературном языке, формы на -у распространяются в основном на определенные группы существительных, вещественные (жир), отвлеченные (сон), собирательные (скот), а также на существительные, обозначающие место или местность (лес, город).

2. Сфера употребления флексии -у расширяется, по сравнению с литературным языком, за счет ее распространения на существительные конкретные: капли ат жалутку, кыраулу н'а было, дл'а моху пас убирайут; дыбрац:а ды пласту золыта.

3. В отличие от литературного языка флексия -у употребляется и в том случае, если при отвлеченном или собирательном существительном стоит определение - прилагательное: чистыва воздуху, рыгатыва скату, сытныва корму, з дал'окыва тылу.

4. Резкой грани в употреблении форм на -а (-я) и -у (-ю) в говоре нет: часто одни и те же слова могут звучать и с флексией -а, и с флексией -у: с ымбару - с ымбара, с урлуку - с урлука, с возу - с воза, с воздуха - с воздуха, ат закона - ат закону.

А. М. Селищев отмечал: "Форма род. ед. почти последовательно оканчивается на -у; формы на -а встречаются очень редко"².

В современном красночикойском говоре под влиянием норм литературного языка в речи молодого поколения флексия -а успешно вытесняет флексию -у, которая продолжает довольно устойчиво держаться в архаическом слое говора.

Форма на -у получила широкое распространение в говорах Курско-Орловской группы³. В говоре старообрядческих сел Ветки нами замечено широкое распространение флексии -у: р'ажынка дл'а продьжу, с адгону творьх дельли, послъ выжагу прось сейали; участок сънако-су, з двац:ат' дьв'атьвь уоду у калхозъ. Формы на -у отмечены А. Ф. Манаенковой и в говоре села Лесняево⁴.

Флексия -а в ветковском говоре, по нашим наблюдениям, встречается сравнительно редко и вытесняется флексией -у, сфера употреб-

1 См.: С. И. Котков. Кжновеликорусское наречие... стр. 163.

2 См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы... стр. 58.

3 См.: Г. В. Денисевич. О падежных флексиях существительных на -а в местных говорах, стр. 157; Е. И. Резанов в а. Указ. соч., стр. 24.

4 См.: А. Ф. Манаенкова. Указ. соч., стр. 197.

лени которой расширена в говоре благодаря воздействию со стороны окружающих белорусских говоров¹.

В ветковском говоре наблюдается перемещение ударения на флексию -а: хлапца б'ар'ош, кьсар'а найм'ош.

Встречены формы: сарва́л ли ты бурака́? ката́р жалуткам; протіу́ полы (пламени) -.

Как видим, формы на -у в говоре ветковских старообрядцев получили широкое распространение в тех же семантических группах, что и в краснотичинском говоре: в существительных, обозначающих отвлеченные, вещественные понятия, а также - со значением места.

Фразеологизм от темна до темна имеет здесь такую форму: с т'омнѣва дѣ т'омнѣва.

Флексия -у в родительном падеже - характерный признак южновеликорусского наречия³.

Дательный падеж

В дательном падеже имена существительные 2-го склонения имеют те же флексии, что и в литературном языке: к лóс'у, пы п'ас'мú, пы райвону, к сыхачу; парнишку другой гадок, свайому дит'у княц:а н'а буду, пы радиву пирьдывали.

Иногда в именах с неподвижным ударением на корне в дательном падеже единственного числа в сочетании с предлогами ударение переносится на флексию: пы сн'агу долгъ бегъли - зато и хвырайт; к тыбару пыткралсь; да това мьс'ау.

В говоре ветковских старообрядцев также отмечена флексия -у: прис'агнуль цар'у н'абеснъму; па ус'ом свету пабыла; па кауказу. Встречена форма с перетянутым на флексию ударением: босый па сн'агу. Подобные формы зафиксированы В. И. Чагишевой в говоре Суземского района Брянской области⁴.

¹ Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 62.

² Здесь, очевидно, произошла контаминация между существительными палым'а и палы́ (палы́ - мн. ч.: палы пускят'у ст'али).

³ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. 1, стр. 103; Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий, стр. 104; А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка., стр. 106; е г о ж е. Историческая морфология русского языка, стр. 225.

⁴ См.: В. И. Чагишева. К изучению курско-орловских говоров. (Наблюдения над говорами Суземского района Брянской обл.). - "Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та", т. 130. Л., 1957, стр. 173.

Винительный падеж

Форма винительного падежа, как и в литературном языке, у существительных одушевленных совпадает с родительным, у неодушевленных — с именительным: пыставил чугу́н у печу, сыръхван надела, зда́ла халат; м'ахода видѣл, пазвал пракопа, викула, амоса, андрона, савина, маркела, кыпитона.

Имена существительные среднего рода (или перешедшие в средний род) имеют под ударением флексию -о, -е, в безударном положении -а, -я: кынап'о, драп'о, луб'йо, смал'о, бър'асто, каст'ро (костер), чало (входное отверстие у русской печи; верхняя кромка у входа в берлогу); те́ла, сена, солнышка, гчездышка, павидла.

Отклонения от литературной нормы представляют существительные среднего рода, перешедшие в говоре в категорию женского рода: в винительном падеже на них распространяется флексия -у, характерная для I-го типа склонения: гошка павидлу н'а ист, ус'у лету зазр'а прыждыла, ус'аку бьзаобраз'у твар'ат, паши ны кладбиш'у, пра ту паветр'у забыли, пра йету в'анчан'у усюмниш дак, чутушну заслышал славечку — гатовь.

Совпадение форм именительного и винительного падежей с такими же безударными формами имен женского рода возможно в изучаемом говоре в условиях акающего вокализма. Явление это характерно для говоров Курско-Орловской группы¹.

В говоре ветковских старообрядцев формы винительного падежа также совпадают с формами литературного языка: зашол на кут, заторкаит' частакол, пинжак пад гольву, снапок л'ну; Йахрема зави, Давида убили. Существительные среднего рода, перешедшие в парадигму женского рода, в винительном падеже так же, как и в красночичкойском говоре, имеют окончание -у: гной вывоз'ут' у пол'у, зашол у мар'йину (Марьино — название села), пра ту прытписан'у слышал; тапер'а пад лектру (под электричество) дслайт панакадилу, йету изм'анен'у вид'ут ус'е.

Творительный падеж

Флексии творительного падежа совпадают с литературной нормой: под ударением — ом, (-ам, -ѣм, -ѣм) при твердой основе и -ем (-им, -ѣм) при мягкой основе: халстом, п'астуном (пестун — прошлогодний медведь), з баронѣм, лесѣм, ходѣм, вѣчьрѣм, камен'ѣм, сиден'ѣм. Те же флексии имеют и существительные на -мя: прыт

¹ См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. 67-69.

последним вре́мьм, с чужым пле́мьм, с худым вы́мьм.

Подобные формы отмечены также в говоре ветковских старообрядцев: ца́п с хр'а́сто́м, за бу́рто́м, с тапа́ро́м, с'а́рпо́м, а́ршы́ньм, са́жэньм, жа́лезьм, прутьм.

Предложный падеж

Для предложного падежа характерны флексии -е (в безударном положении -и), -а, -у (-ю).

Флексия -е, довольно широко распространенная в говоре, охватывает имена существительные мужского и среднего родов (с предлогами в, у, на) с обстоятельственным значением места, пространства, времени, а также имена существительные, не склоняемые в литературном языке: у с'а́лэ, на бугрэ́, у с'а́л'пé, у пы́лпал'тé; в безударном положении: в ле́сь, у трет'и́м го́дь, ны ка́рты, у го́рьдэ, у райо́нэ, ны ты́м све́ть; иногда в безударном положении встречается флексия -а: на фронт'а, выскр'асен:а, у калхоз'а, у дом'а, ны мыр'оз'а, у пол'а.

Формы с безударной флексией -а отмечены также в говорах Курско-Орловской группы¹. Возможно, что это влияние зависит от характера акающего вокализма I-го предударного слога, распространяющегося и на заударные слоги, которые, очевидно, лучше рассматривать в соединении с первым слогом следующего в потоке речи слова: прахы́в'ош на све́т'а мно́га; в:нскр'асен:а стужа́ бы́ла.

В красночикойском говоре отмечены формы предложного падежа: в ус'и (в ухе), у цес'ь (в цехе), где х' заменяется с' перед гласным переднего ряда.

Одновременно с формами на -е (-и) в говоре широко распространены формы на -у (-йу), восходящие к старым формам предложного падежа основы на -й (у - краткий). Сфера распространения этой флексии более широкая, чем в литературном языке. Она охватывает существительные мужского рода не только под ударением, но и в безударном положении, имена односложные и неодносложные, одушевленные и неодушевленные. Флексия -у охватывает слова, общие как для говора, так и для литературного языка, а также сугубо местные, диалектные слова. В семантическом плане формы на -у (-ю) представляют собой имена существительные мужского рода предложного падежа со значением места, пространства, вещества, собрания людей или предметов, действия или состояния (то же самое, что и в литературном языке). Примеры с ударенной флексией: у ма́йу

¹ См.: К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка, стр. 131.

мыс'ацу, на мысу, у раву, ны бугру, ус'а мылад'ош ны скату мужык
ейный ны кранту работайит, ны блину сидим умест'а ("блин" — одна
из церемоний свадебного обряда); с неударенной флексией: при сы-
ну, у хыладочку, при барону было иш:о.

Формы на -у (-ю) в изучаемом говоре сочетаются не только с
предлогами в, на, что характерно для литературного языка, но так-
же и с предлогами при, об: н'а так аб дачки, как аб з'ат'у
саскүтилъс'; при агн'у сидели пр'али.

Формы на -у характерны и для имен существительных среднего ро-
да с ударной и безударной флексией: ны мылаку выросли, в д'апу, у
гн'оздышку, ны кыл'асу, при солнушку, па темичку, в з'орнушку.

Употребление форм предложного падежа единственного числа с
окончанием -у у существительных среднего рода является отличи-
тельной чертой говоров Курско-Орловской группы¹.

Перечень форм на -у в красночикойском говоре охватывает в ос-
новном существительные неодушевленные.

Отсутствие форм на -у у одушевленных существительных наблюда-
ется в материалах А. М. Селищева по говору верхнеудинских старо-
обрядцев².

С. П. Обнорский по поводу спорадического употребления форм на
-у в группе одушевленных имен существительных высказал предполо-
жение о более позднем распространении флексии -у в этой категории
имен³.

С. И. Котков при рассмотрении форм на -у в южновеликорусских
памятниках ХУП века приходит к выводу об одновременном распро-
странении этих форм на имена одушевленные и неодушевленные⁴. Од-
ной из причин неравномерного соотношения форм на -у в группах су-
ществительных одушевленных и неодушевленных можно предполагать
отмеченное С. И. Котковым преобладающее ударяемое -у у существи-
тельных неодушевленных и почти безраздельное господство безудар-
ного -у в категории одушевленных существительных⁵. Последнее об-
стоятельство не могло способствовать закреплению форм на -у у
одушевленных существительных. Однако сам С. И. Котков считает
это наблюдение далеко не бесспорным. Отрицает С. И. Котков также
мнение С. П. Обнорского о позднем хронологическом появлении флек-

¹ См.: К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное
членение русского языка, стр. 131.

² См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы ...,
стр. 58.

³ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 147.

⁴ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие ...,
стр. 173.

⁵ См.: там же.

сии -у у имен среднего рода, подтверждая это рядом свидетельств из старинных брянских, обоянских, курских, елецких памятников¹.

В географических названиях на -ск форма предложного падежа имеет окончание прилагательных и неличных местоимений: в ыркуцкѣм дралис' йункура, жив' от' у конкинѣй (Конкино - название села).

Падежные формы предложного падежа на -у характерны и для говора изученных нами ветковцев. Примеры форм с ударенной флексией: у м'ашку, па л'асу, на кан'у, на двару, ат мыш'йаку, на куту, на м'аду, на п'аску, на рул'у; с безударной флексией: у сарайу, у куйбышаву, у палисаднику, на каточку, у сарайчику, при цар'у - уароку, при микалайу.

Из приведенного материала видно, что форма на -у получила здесь широкое распространение в категории имен мужского рода. Флексия -у охватывает незначительное количество существительных, входящих в парадигму среднего рода. Так же, как и в краснотичинском говоре, формы на -у известны в предложных сочетаниях не только с предлогами в, на, но и с предлогом при.

Формы с флексией -е (-и) иногда выступают здесь в качестве вариантов параллельных форм на -у, иногда - при отсутствии параллельных форм на -у: у лесь - у л'асу, у курнь - у кур'ан'у, у сарай - нь сарайу, нь мьлаке - нь мьлаку, на куте - на куту, у хьврале - у хьврал'у; уйунь (в июне).

Отмечены в ветковском говоре формы предложного падежа на -ы: у каким уады, уйунь мьс'ацы.

Третье склонение

Склонение имен существительных 3-го типа склонения, за исключением тех имен, которые перешли в I-ое склонение, почти не отличается от норм литературного языка: па йелань, па шлы, ад жыни, к начи.

Винительный падеж обычно совпадает с именительным: жыни'на нада стала; ноч' был' шайа т'апер-ка. Но отмечаются формы с флексией -у (-йу), что свидетельствует о влиянии I-го типа склонения: чалнок чьрьс кыл'асо т'аньт кудел'у; пастел'у дывали и сундук; чар'омуху пыставит' на печу; гармон'у купили. Эти формы характерны и для говоров Курско-Орловской группы².

В дательном падеже возможна флексия -е (пы кисте, пы г'разе, к

¹ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие..., стр. 173.

² См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров..., стр. 85-87; В. И. Резанова. Указ. соч., стр. 247.

начё, пы лышадё), характерная для говоров Курско-Орловской группы¹, а также для многих говоров северовеликорусского наречия².

Утверждение В. А. Бельковой о спонтанном развитии этих форм³, основанное якобы на отсутствии флексии -е в дательном и предложном падежах 3-го типа склонения в курских, орловских и ветковских говорах, опровергается фактическим материалом, приведенным С. П. Обнорским, в том числе по курским и орловским говорам⁴. Формы на -е зафиксированы нами также в говоре ветковских старообрядцев, о чем речь пойдет ниже.

В творительном падеже имена существительные 3-го типа склонения имеют форму, совпадающую с литературной. При этом конечные мягкие согласные основы ассимилируют последующий й (йот), в результате чего образуются мягкие удвоенные согласные: ноч':у, гр'аз':у, пыл':у, восьн':у, пастёл':у, м'адал':у. Для говора характерна архаическая безударная флексия -ий: мне ныградили м'ададьй, нат пастельй вис'ат' насот'ки, пьр'ат смертъй малитву читаит. Эти формы отмечены С. П. Обнорским в вжнорусских говорах как органические, исконные⁵.

В говоре ветковских старообрядцев форма родительного падежа единственного числа, насколько нам удалось заметить, в основном совпадает с литературной: ат гр'азй, ат печи, ат лошади, ат пастёлы, ат восини.

Винительный падеж здесь совпадает с именительным: вада па грут'. Иногда это происходит в результате действия закона аналогии со стороны форм I-го типа склонения: пр'али кудел'у, играли гармон'у.

В творительном падеже в говоре ветковцев отмечены формы: су-понъй, саженьй.

В предложном падеже здесь, как и в краснотичинском говоре, зафиксированы формы на -е: у гр'азё, у мазе. Наблюдается также совпадение формы предложного падежа с литературной (иногда при наличии передвижки ударения): нь адной пади, на печи.

¹ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 256.

² См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 252-256; А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 235.

³ См.: В. А. Белькова. Указ. соч., стр. 12.

⁴ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 256.

⁵ См.: там же.

Существительные мать, дочь, морковь, свекровь, церковь в именительном и винительном падежах почти не употребляются с нулевой флексией (наиболее употребительным для изучаемого говора можно считать существительное церковь). В большинстве же случаев эти существительные видоизменили форму именительного падежа и перешли в I-е склонение: matka, дачка, св'акруха, цёрква (сёрква), морква.

В форме винительного падежа эти существительные приобрели флексию -у под воздействием имен существительных на -а: дачку, св'акруху, цёркву, матку, матер'у. Подобные же формы отмечаются и в большинстве южновеликорусских говоров¹, в том числе в говорах Курско-Орловской группы².

В творительном падеже обнаруживаем флексию -иу: матер'иу, дочь риу.

Во всех остальных падежах вышеназванные существительные склоняются по образцу I-го типа склонения.

В говоре ветковцев мы тоже находим существительные matka, дачка, марква, цёрква, св'акруха, изменяющиеся по I-му типу склонения. Форма св'акруха отмечена А. М. Селищевым³ также в говоре верхнеудинских старообрядцев: дачка, морква, цёрква, matka.

Существительные на -мя в косвенных падежах утрачивают сочетание -ен и принимают окончания I-го или 2-го типа склонения: ударил у самую тем'у; па вым'у мылако б'ажит; ка врем'у старайус прит':и. В именительном падеже единственного числа они сохраняют флексию -а.

Утрата сочетания -ен у существительных на -мя в косвенных падежах наблюдается также в курских говорах⁴ и в селе Манаенково Ветковского района⁵.

Существительные дитя и путь иногда могут приобретать окончания 2-го типа склонения: свайому дит'у иа кланыц:а н'а буду; па пут'у зайд'ош к йей; каждая matka ал свайом дит'у убиваиц а. Параллельно с формой дит'о употребляется словоформа дит'онок, которая полностью склоняется по 2-му типу (дит'оньк, дит'онка, дит'онку, дит'онкьм, о дит'онкь).

¹ См.: С. П. Обнорский и. Указ. соч., вып. I, стр. 267.

² См.: К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка, стр. 131.

³ См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы ..., стр. 58.

⁴ См.: Е. И. Резанова. Указ. соч., стр. 246.

⁵ См.: А. Ф. Манаенкова. Указ. соч., стр. 199.

У существительного путь в родительном падеже в говоре преобладает флексия -и: пути н'а будът', приятнѣъ пути. Существительное путь имеет флексии 2-го типа склонения во многих южновеликорусских говорах¹.

В значении обстоятельства в красночикийском говоре выступает форма па путе: па путе уш таш:шт ус'о узбу (заодно).

Множественное число

В изучаемом говоре во множественном числе отмечена более широкая, чем в литературном языке, унификация флексий всех родов имен существительных. Широкое обобщение падежных форм безотносительно к грамматическому роду позволяет проводить описание форм множественного числа без дифференциации по типам склонения.

Именительный падеж

В именительном падеже множественного числа существительных мужского рода на твердый и отвердевший согласный флексия -ы (после заднеязычных согласных -и), которая исторически восходит к древнерусской форме винительного падежа того же типа склонения, получила в говоре более широкое распространение, чем в литературном языке.

Флексия -ы распространяется в основном на те слова, которые в литературном языке выступают только с флексией -а в ударном положении: масл'уки, дружн'акі, дамы, листы (у картофеля); в безударном: глаза, боки, хаз'айны, цыпл'аты, дровы, дома, роги, пырыс'аты, кол':и. Встречается перенос ударения с основы на окончание: гвазди, угли, камни, два дни.

Наблюдается совпадение с нормой литературного языка у таких существительных, как вунт'и, йетажы, плыт'ажы, рушники, скывародники, начал'ники, чарочки, халсты, грешнити, правьднити, адгарот'и, рызгаворы, зарыбытки, ухваты, калхозы, был'шыв'акі, налоги.

Параллельно с рассмотренными формами имени существительные мужского рода имеют в именительном падеже флексию -а, которая в красночикийском говоре распространена несколько шире, чем в литературном языке.

Флексия -а отмечается в тех словах, которые и в литературном языке имеют эту флексию, а также в именах, в которых нормами литературного языка допускается параллельное употребление флексии -а, -ы (-и), и, наконец, в словах, которые в литературном языке

¹ См.: С. П. Обнорский. Указ. соч., вып. I, стр. 5.

употребляются только с флексиями -н (-и): дама, дыхтара, гырыда, жымчуга, хылыда, луга, стага, гада (аны лихийа гада чыжало дасталис л'уду), трьктыра, зыпына, выльса, мыныстыр'а, ахвицара, йункура, к'одра, льякар'а.

Параллельное употребление флексий -н и -а при господствующем положении последней отмечено и в говорах Курско-Орловской группы¹.

Параллельное употребление форм имен существительных мужского рода именительного падежа множественного числа на -н, -и, -а, -я полстолетия назад зафиксировано А. М. Селищевым².

В говоре ветковских сел у имен существительных мужского рода доминируют формы на -н, которые имеют более широкую, чем в литературном языке, сферу распространения, охватывая слова, выступающие в языке только с флексией -а. Флексия -н, в отличие от литературного языка, может выступать не только в ударном положении: гадн, дамн, л'асн, стагн, масл'уки, чатыри л'итры и т. д., но и без ударения: кылаколы звон'ут, глаза, роги, дровы, пырс'аты и пр. Иногда форма именительного падежа на -н, -и у существительных мужского рода отличаются от соответствующих форм в литературном языке лишь передвинутым на флексию ударением: каршуны, гадн, планты, старцы, абручи, грузды, чугунокн, д'атлы, ласи (лоси), званн (как у нашый дяр'авушки званн гудут), кур'анн.

Как в ветковском, так и краснотичкойском говоре зафиксированы формы карчи (корч - пень), сьрники (ветк.) - сьрники (кр.-чик. - спички), кур'анн, хлапцы.

В обоих говорах существительные мужского рода суффиксом -ин принимают флексию -н вместо -е: байарн, хр'аст'ианн.

Формы на -а, исторически восходящие, по традиционной точке зрения, к именительно-винительному двойственного числа³, крайне редки в говоре изученных нами ветковских сел: абраза, выгара, карма, л'аса. Возможно, здесь сказывается влияние говоров белорусского языка, для которого формы на -а были долго неизвестны⁴. Но исследования последних лет по диалектологии белорусского языка

¹ См.: Г. В. Денисевич. Особенности склонения существительных в южновеликорусских говорах, их влияние на речь учащихся. - "Учен. зап. Курского пед. ин-та", вып. 17. Курск, 1963, стр. 78.

² А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы ..., стр. 58.

³ См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 217-221.

⁴ См.: Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 63; З. Макаова. Восточносмоленские говоры в их истории и современном состоянии. Автореф. канд. дис. М., 1954, стр. 7.

говорят о росте продуктивности форм на -а¹, очевидно, под влиянием соседних южновеликорусских говоров, где обычно наблюдается параллельное употребление флексий -ы и -а.

Некоторые имена существительные мужского рода в краснотичкойском говоре образуют именительный падеж множественного числа от основы, отличной от основы ед. числа, путем прибавления суффикса й (йот) к основе множественного числа и флексии -а как ударенной, так и безударной. В литературном языке такое окончание, которому предшествует элемент й, также возможно, но лишь в небольшом количестве случаев, в изучаемом же говоре сфера употребления таких форм значительно расширена: муж'я́, бра́'я, з'ат'я́, зу́'я, суч'я, ласкут'я, чир'я, карен'я, камен'я, бидон'я, кол'я.

Сочетания зубных согласных с й в изучаемом говоре иногда сохраняются, но чаще наблюдается ассимилированное удвоение мягких губных согласных: брат':а, бидон':а, угал':а, карен':а, камен':а, стул':а. Эти формы служат в основном для обозначения числа предметов, представленных в большом количестве (каменья, колья и т. д.). Они достаточно древние в русском языке: зафиксированы еще в Ипатьевской летописи 1142 года. Источником рассматриваемых форм явились распространенные в древнерусском языке собирательные существительные женского рода типа братия, а также собирательные существительные среднего рода с безударным окончанием типа кол². С утратой значения собирательности они стали осознаваться как обычные формы множественного числа. В них произошли и фонетические изменения: редуцированные и в слабой позиции после падения редуцированных гласных оставил после себя ъ, а в словах на -ие конечное безударное -е в условиях аканья редуцировалось и стало звучать как а³.

Встречаются формы на -ья и в говоре сел ветковских старообрядцев: качан':а, пер':а, паут':а и другие. В сравнении с краснотичкойским говором такие формы здесь все же редки, что объясняется, очевидно, влиянием говоров белорусского языка, в которых у имен существительных мужского рода доминируют формы на -ы.

В краснотичкойском говоре функционируют две формы именительного падежа множественного числа от слова сын - сыны и сыновья: сыны были на службы, сыны бы пымагли хуч' как, сыны как у белых были, так и асталис; сынав'я вывугилис. Форма сыновья, развившаяся исторически под влиянием форм на -ья из старой древнерус-

¹ См.: Т. С. И н к о в а. Говоры Доевского района Гомельской области. Автореф. канд. дис. М., 1955, стр. 12.

² См.: В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка, стр. 214.

³ См.: В. И. С о б и н н и к о в а. Лекции по исторической грамматике русского языка. Воронеж, 1937, стр. 104.

ской формы синоне, встречается в говоре спорадически, несмотря на то, что окружающее сибирское население употребляет эту форму последовательно. В говоре ветковских старообрядцев наблюдается преимущественное употребление формы сыны.

Имена существительные с суффиксом единственного числа -енок во множественном приобретают суффикс -ат и употребляются в красночичкойском говоре в основном с флексией -н: двайн'аты, р'аб'аты, казл'аты, цыпл'аты, кытън'аты, кышан'аты. Формы на -а (казл'ата) встречаются значительно реже.

Имена существительные мужского рода с суффиксами -ин, -анин, -янин при образовании формы множественного числа теряют суффикс единичности -ин. Все они употребляются с безударной флексией -и (иногда -н), исторически восходящей к флексии -е имен существительных старой основы на согласный¹. Обозначают такие существительные совокупность людей по месту или общественному признаку. Появление безударной флексии -и в этих формах А. А. Шахматов объясняет аналогичным воздействием форм на и на имена старой основы на согласный, которые очень рано стали принимать окончания, свойственные основам на и².

С развитием этих форм в результате фонетического процесса (е > е^и > и) в слогe не под ударением писал А. А. Никольский³.

Возможно, что флексия -и - это результат изменения -е закрытого, склонного к е^и в безударном положении, поддержанного действием морфологической аналогии, источником которой послужили имена старой основы на -и: мылдываны, арм'аны, граждане, англичань, байарь.

Иногда на месте безударного и выступает 'а: хрис'иан'а, цыган'а, чикайан'а. Подобные формы отмечены А. М. Селищевым в говоре верхнеудинских семейских⁴. Формы с безударной флексией -и (-а) отмечены в орловских говорах⁵. В говоре ветковских русских сел эти формы имеют флексию -и (-н), мылдаваны, байарь, христ'иань,

¹ См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 212.

² См.: А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 275-276.

³ См.: А. А. Никольский. О языке Ипатской летописи. Оттиск из РФВ. Варшава, 1899, стр. 30.

⁴ См.: А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы ..., стр. 58.

⁵ С. И. Котков. К изучению орловских говоров ..., стр. 101.

прижадань. Формы на -и характерны для многих говоров белорусского языка¹.

Специфику краснотичкойского говора в данном случае составляет параллельное употребление флексий -ы (-и) и -а (-я) в формах именительного падежа множественного числа существительных среднего рода.

Флексия -а (-я) для существительных среднего рода является исконной, флексия же -ы (-и) появилась благодаря аналогии с флексиями именительного падежа мужского и женского родов в процессе сближения и объединения различных типов склонения². Это явление сопровождается частичным разрушением категории среднего рода, так как колебания в роде, сопутствующие переходу существительных среднего рода в категорию женского или мужского, ускоряли процесс усвоения флексий мужского или женского рода. Немаловажную роль играет при этом также то, что флексия -ы распространяется на существительные среднего рода с заударным окончанием.

Зачастую эти параллельные флексии сосуществуют в говоре: с'ола - с'олы, в'одра - в'одры, балоц'а - балоц'ы, пис'ма - пис'мы, бр'овна - бр'овны, гн'озда - гн'озды, гумна - гумны, ст'огна - ст'огны. Но под ударением в говоре всегда употребляется флексия -а (-я): м'аста, пал'а, мап'а. В орловских говорах также отмечено параллельное употребление флексий -ы (-и) и -а (-я)³.

Иногда в изучаемом говоре у существительных среднего рода с окончанием -я в именительном падеже множественного числа последнему предшествует элемент й: нываден'й:а, карыт'йа, кал'ос'йа, ахвост'йа, атреп'йа. Сочетание согласного с й дает двойной мягкий согласный: пап'орла нываден':а карыт':а, усе атреп':а, тыи гада ахвост':а пылучали.

В орловских и ветковских говорах подобные формы не отмечены. Возможно, что в говоре забайкальских семейских они появились под влиянием окружающих сибирских говоров⁴.

В говоре ветковских старообрядцев получили широкое распростра-

¹ П. А. Ра ст о р г у е в. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии. Курс белорусоведения. М., 1918-1920, стр. 225.

² См.: В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка, стр. 214-215; А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка, стр. 210-211; С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. 2. Л., 1927, стр. 109.

³ С. И. К о т к о в. К изучению орловских говоров, стр. 97-98.

⁴ Формы типа аз'ор'йа, туйас'йа зафиксированы А. М. Селищевым в говоре сибиряков; в семейских же говорах он подобных форм не отмечал. См.: А. М. С е л и щ е в. Диалектологический очерк Сибири, стр. 83.

нение формы среднего рода на -н: блуды пир'амен: ни, судны ган'али, кол'цы зылатни, на палотны чыстыи л'он, леты халодныи стали и пр. Встречены здесь также формы на -а с оттянутым на флексию ударением: балата, д'рива, чудиса. Широкое распространение флексии -н в ветковском говоре объясняется, по-видимому, влиянием окружающих белорусских говоров, для которых эти формы обычны¹.

Можно предположить в связи с этим, что в момент приезда семейских в Забайкалье флексия -н была доминирующей в их говоре, так как полстолетия назад А. М. Селищев отмечал: "Форма им. мн. ч. для среднего рода при неударенности последнего слога оканчивается на -н, как в муж. р. сукны, тил'аты, окны, дышлы"².

Имена существительные женского рода в краснотойском говоре в именительном падеже множественного числа имеют в основном те же флексии, что и в литературном языке: горы, зори, росы, травы, накипни (иной на замерзшем железистом ключе), ал'ануси, из'убориси, м'адв'ажыцы, казы.

Некоторые имена существительные имеют здесь ударенную флексию -а (-я), чаще всего это существительные 3-го типа склонения, перешедшие во 2-ой тип, и частично - существительные мягкой разновидности 1-го типа склонения: част'а, д'равн'а, шал'а, ст'ап'а, пад'а, лышад'а.

Встретилась здесь форма травина в значении именительного падежа множественного числа: травина растуt' кругом.

Иногда форма женского рода именительного падежа множественного числа на -а имеет предшествующий й: жыл'яа т'анут'так, што... Форма на -а(-я) имен существительных 3-го типа склонения отмечена в спорадическом употреблении в орловских говорах³.

Наличие флексии -а у существительных мужского и женского родов свидетельствует о тенденции к утрате родовых различий во множественном числе.

В ветковском говоре также отмечены формы именительного падежа множественного числа на -я у существительных женского рода 3-го типа склонения: царкв'а, жард'а, ськт'арт'а. Обнаружена форма с ударным -и: кары сил'ни: той бор'у зыграничнй был.

¹ См.: Т. М. Томтев. Указ. соч., стр. 63; "Дыялекталагічны атлас Беларускай мовы", карты 97, 98.

² А. М. Селищев. Диалектологический очерк..., стр. 84; его же. Забайкальские старославянцы..., стр. 58.

³ С. И. Козлов. К изучению орловских говоров, стр. 7-98.

Широкое распространение флексии -ов у существительных мужского рода множественного числа родительного падежа отмечал в забайкальском семейском говоре А. М. Селищев¹.

В современном красночикойском говоре флексия -ов, -ев (-оф, -оу, -иф) имеет также широкую сферу распространения, охватывая круг слов, где по нормам литературного языка должна быть другая флексия: плаш:оу, тывариш:фу, гадоу, братоу, стыражоу, жытьльф, мадведьу, бр'уху, (у м'ане, девьт'бр'уху было).

Иногда отличие существительных мужского рода с флексией -оф от соответствующих существительных в литературном языке состоит в передвижке ударения (чаще всего с основы на окончание): пал'цоу, ахвицароу; внукоу, зыпаноу, мьсацоу.

Употребление флексии -ов может и совпадать с нормами литературного языка: кызакоу, кыбаноу, д'ан'коу, хлыстоу.

По своему происхождению флексия -ов - окончание родительного падежа множественного числа старой основы на -й, появившейся в парадигме склонения с основой на -о, благодаря взаимодействию обеих основ по причине совпадения именительного и винительного падежей единственного числа, вызвавшего колебания между формами того и другого склонения для одних и тех же существительных и в других падежах и числах².

Эти формы отмечены в курских³ и орловских⁴ говорах.

С. И. Котков считает флексии -ов, -ев наносным, неисконным явлением в орловских говорах⁵.

Такую же точку зрения высказывает С. П. Обнорский⁶, утверждая, что черта эта не характерна для южновеликорусских говоров, а характеризует более говоры северновеликорусские, а также переходные и смешанные. К смешанным говорам С. П. Обнорский относит семейские говоры Сибири, где и наличествует эта языковая черта.

Флексия -ов, ев, преобладающая над другими флексиями роди-

¹ См.: А. М. С е л и щ е в. Забайкальские старообрядцы ..., стр. 58.

² См.: В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка, стр. 199.

³ См.: Г. В. Д е н и с е в и ч. Особенности склонения существительных в южновеликорусских говорах..., стр. 79; Е. И. Р е з а н о в а. Указ. соч., стр. 246.

⁴ С. И. К о т к о в. К изучению орловских говоров, стр. 168.

⁵ См.: т а м ж е.

⁶ См.: С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. 2, стр. 232.

тельного падежа (благодаря стремлению избежать синонимии форм: нулевая флексия присуща одновременно именительному и винительному падежам единственного и родительному множественного числа), охватывает только часть говоров южновеликорусского наречия: "Лишь в части говоров (южновеликорусских, белорусских) окончание -ов охватывает едва ли не все существительные"¹. Очевидно, эти формы, доминирующие в говорах белорусского языка², распространяются на соседние южновеликорусские области как варианты других флексий родительного падежа множественного числа.

В изучаемом говоре формы родительного падежа на -ов (-ев) появились, вероятно, благодаря былому контактированию с белорусскими говорами. В Забайкалье же дальнейшему становлению этой формы способствовало ее широкое распространение в говорах окружающих сибирских сел, о чем свидетельствуют наблюдения А. М. Селищева³.

Флексии -ов, -ев (-оф, -ох, -ѣф, -ѣх, -еф) широко распространена в ветковском говоре: вѣт'анарѣу, пр'анькѣу, хаз'анѣф, у немѣф, гадоу, радоу (роды радоу разбирают - при сватовстве), часоу, плугѣу, хлапцоу, брыж:оу; ъларусоу, прѣ кысманаутѣх, у бытракох, у лаптѣх, да ста'намироф умеит'ш:атат. Широкое распространение флексии -ов и ее вариантов объясняется непосредственным контактом ветковского русского говора с окружающими белорусскими.

Ряд существительных мужского рода твердой разновидности склонения сохраняет в краснотойском говоре старую форму родительного падежа множественного числа с нулевой флексией. Сюда относятся прежде всего имена существительные мужского рода, наиболее часто употребляемые в сочетании с числительными или со словами много, мало, сколько, несколько, существительные, обозначающие парные предметы, а также существительные с суффиксом множественного числа -ат: сем'аршин, сколкѣ рас, многа валос, малѣ чѣлавѣк, листвѣн'у сем'апхвѣт; раб'ат, т'ал'ат.

Формы с нулевой флексией охватывают также имена, сравнительно недавно вошедшие в активный словарь носителей говора; шашна:ат г'актар, двести грам; с нулевой флексией употребляются имена существительные человек, гражданин: п'ат'чѣлавѣк, многа граждѣн. Отмечено параллельное употребление форм родительного падежа

¹ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 212.

² См.: П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор. Л., 1927, стр. 84-85, е го же. Говоры восточных уездов Гомельской губ. в их современном состоянии. Минск, 1927, стр. 14.

³ См.: А. М. Селищев. диалектологический очерк ..., стр. 84.

партизан и партизанов: тады мно́га пыртиза́н пыл'агло; у пырт' -азаньу какойа аружы́а было: адны бьрдан'ошки. Сфера распространения флексии -ов (-ев) в изучаемом говоре намного шире, чем у нулевой флексии. Преобладающее количество форм на -ов, -ев отмечал еще 50 лет назад А. М. Селищев: "В формах род. мн. широко распространено окончание -ов (-о): дурако́в, дамо́в, вазо́в, радитил'о́в, свидетиле́в, пал'о́в. Но для имен на -ты (риб'а́ты, тил'а́ты) форма род. мн.: риб'а́т, тил'а́т...¹". Как видно, за прошедшие полстолетия положение флексии -ов (-ев) как доминанты в говоре не поколеблено.

В говорах Курско-Орловской группы также наблюдается при ограниченном употреблении форм с нулевой флексией широкое распространение флексии -ов, -ев.

В говоре ветковских старообрядцев формы с нулевой флексией редки: крист'я́н, дро́у, т'а́ла́т, гакта́р, гра́м, гла́с.

В краснотичкойском говоре отмечена архаическая форма д'он: п'ат д'он прашло. В орловских говорах эта форма тоже весьма употребительна², что противоречит мнению С. П. Обнорского о бытовании ее преимущественно в северновеликорусских говорах⁴.

Имена существительные мужского рода с основой на мягкой согласный или шипящий, имеющие в именительном падеже единственного числа нулевую флексию, в родительном множественного оканчиваются на -ей, как и в литературном языке. По происхождению -ей - флексия родительного падежа старой основы на -і, распространившаяся и на другие типы основ. Примеры: рублей, гваздей, карчей, кл'учей, лаптей, з'убрей, дней, выраб'ией, муравлей, мурашей; сюда же можно отнести имена существительные, имеющие в именительном падеже множественного числа форму на -ья с ударным окончанием: з'ат'авией, братав'ией.

Сфера употребления флексии -ей в настоящее время расширяется за счет ее распространения на те существительные мужского рода, которые в литературном языке имеют окончание -ев: выраб'ией, сылав'ией, братав'ией (выраб'ией стр'ал'ал наш старик).

Спорадически встречается в говоре форма коний: коний наших пабили; иногда конечный й редуцируется в потоке речи: кони пустим у речку - нырушен':а границы. По аналогии флексия -ии распростра-

¹ А. М. С е л и щ е в. Забайкальские старообрядцы ..., стр. 58.

² См.: С. И. К о т к о в. К изучению орловских говоров, стр. 104-105.

³ См.: т а м ж е, стр. 109.

⁴ См.: С. П. О б н о р с к и й. Указ. соч., вып. 2, стр. 292.

няется на существительное зверь; как зверий стр'ал'ал рыс:каж', а также — на существительное шавяк (назем): шав'ачий.

А. М. Селищевым зафиксирована форма родительного множественного на —ей от слова комарь: камарей¹.

В сочетании два раза наблюдается параллельное употребление форм рас и раза: два раза, два рас; н'а рас н'а были. А. М. Селищев отмечал только формы без —а (два рас), соотнося этот факт с подобным же явлением в говоре сибиряков². В красночикийском говоре нами отмечены сочетания два дни, три рубли.

В говоре ветковцев также встречается флексия —ей у имен существительных мужского рода родительного падежа множественного числа с основой на мягкий согласный или шипящий: с'ами пл'атней; кур'аней н'а строим т'апер — йета плахайа хата, сабылей н'а л'уб'ут; карчей, курчей (курец — петля у лаптя, в которую вдевается оборка).

Здесь чаще, чем в красночикийском говоре, употребляется форма на —ий типа коний: пастил коний, паласа у нескал'ка палтретий (полтреть — единица измерения; четвертина — половина полтрети, осьмина — половина четвертины).

В ветковском говоре отмечены своеобразные сочетания числительных два, три, четыре с существительными мужского рода, имеющими основу на мягкий или шипящий согласный: три рубли, чатыри дней.

Спорадическое употребление флексии —ий (коний) в ветковском и красночикийском говорах, возможно, белорусско-украинского происхождения (эти формы последовательно употребляются в юго-западных говорах украинского языка — в закарпатских говорах³, у галечких ламков⁴, в белорусских говорах эти формы единичны).

Имена существительные среднего рода твердой разновидности склонения, которые в литературном языке употребляются с нулевой флексией, в красночикийском говоре имеют флексию —ов (и ее различные фонетические разновидности: —аф, —оф, —ъф, —оу, —ах, —ау): д'алоу, славоф, пькрывальф, паленьф, бр'ухьф, кал'осьф, им'аноу, правоф, за усех м'астах. Подобные формы (кан'ов, аз'орав, пал'ов) отмечены А. М. Селищевым в говоре верхнеудинских старообрядцев⁵.

¹ А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы..., стр. 58.

² Там же.

³ См.: Панькевич, Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей, ч. I. Прага, 1938, стр. 204, 228.

⁴ См.: Верхратський. Про говор галицьких лемків. Львів, 1902, стр. 121—122.

⁵ А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы..., стр. 58.

Наблюдается параллельное употребление существительных среднего рода с нулевой флексией (в основном это существительные в сочетании с числительными и со словами много, мало, сколько): многа войск, скол'ка д'ар'оф, многа крылец, п'ат аз'ор, сто лет, скол'мест.

В говорах Курско-Орловской группы также наблюдается параллельное употребление этих форм¹.

В говоре ветковских старообрядцев тоже представлены имена существительные среднего рода с флексией -оф: с'олаф многа, нькаких им'аноу у нас н'а было, м'астоф, азироф. Параллельно употребляются нулевые флексии: в'ад'ор, д'ароф, дел, аз'ор.

Имена существительные среднего рода мягкой разновидности склонения употребляются в краснотичкойском говоре с флексией -ей: ма-рей, палей, с пл'ачей, д'атей. В ветковском говоре наблюдается аналогичное явление: пл'ачей, пал'ей и пр.

Имена существительные женского рода 3-го и частично 1-го типов склонения мягкой разновидности употребляются в родительном падеже с флексией -ей, которая для имен существительных 3-го типа склонения является исконной по происхождению. У имен же на -а, -я она появилась под аналогическим воздействием со стороны старых основ на -і в результате общего процесса взаимодействия и дальнейшей унификации различных типов склонения. Примеры: курей, свин:ей, лышадей, мышей, граней (з'арно р'аслы: шэст'граней налил). Подобные формы отмечены также нами в ветковском говоре: курей, частей, шарстей (тапер'таких шарстей нет у магазинах).

Часть имен существительных 1-го типа склонения под воздействием имен существительных мужского рода приобрела окончание -ов, не свойственное существительным женского рода в литературном языке. Флексия -ов выступает в фонетических разновидностях, свойственных говорам (-аф, -ѡф, ѡу, -ах, -ѡх). Например, краснич. рыспашонкѡф, наградѡф, кыла урнѡф, ва усѡх мыладѡхѡх, вѡшкѡх пыш:ѡ-ка; ветковск. у мене козѡу н'а было; н'а луолу урнѡу. Эти формы имеют широкую сферу распространения в орловских и курских говорах².

Необходимо отметить, что в говоре ветковцев распространение этих форм сдерживается влиянием окружающих белорусских говоров, где флексия -ов не является основной, хотя и проникает в литературный язык³.

¹ См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. III-III4; Г. В. Денисович. Особенности склонения существительных в южновеликорусских говорах..., стр. 79.

² См.: Г. В. Денисович. Особенности склонения существительных в южновеликорусских говорах..., стр. 79.

³ См.: Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 59-60; "Лингвистический атлас белорусской мовы", карта IOI.

И в ветковском, и в краснотичкоўском говорах родительный падеж множественного числа существительных женского рода может быть представлен, как и в литературном языке, нулевой флексией: краснотичок. оумах, в ар'овьк, кних, старух, кыбарох, иманух; ветковск. у пост свадып н'а гул'али, песьн н'а пайут', бан'н'а тапили пьрэт свади'бай, лисиц умнога.

В краснотичкоўском говоре отмечена словоформа дачок (дочек): куды дачок будым д'ават'? у мене шэс' дачок было. Это связано с тенденцией унификации типов склонения: существительные старой основы на -р, перешедшие в говор в белорусской (матка, дачка) огласовке¹, принимают в косвенных падежах флексии, характерные для существительных I-го типа склонения женского рода с ударным окончанием: с'астрá - с'астор, дачкá - дачок, матка - маток.

Иногда форма родительного падежа множественного числа заменяется в краснотичкоўском говоре формой именительного множественного: грыбы глаза ёст' (у грибов глаза есть?); други л'уди новикэва патопá утапила.

Дательный падеж

В дательном, творительном, предложном падежах наиболее полно сказалась тенденция к унификации различных типов склонения, проявившаяся в распространении флексий, ранее характерных лишь для склонения на -а, на существительные всех трех родов всех типов склонения. В различных говорах эта тенденция проявилась с разной степенью полноты².

И в краснотичкоўской, и в ветковском говорах существительные всех трех родов, как и в литературном языке, имеют флексию -ам (-ям): краснотичок. груздам, дамам, быкам, карчам, гуранам, к'адрам, качкам, школам, пал'ам, с'арцам; ветковск. па валнам, па пал'ам, пь бал'нищам, па л'асам.

В ветковском говоре широко употребляется форма дательного падежа множественного числа, совпадающая с предложным: па ва'нах хадили, па гарадах жыли, па бал'отах кл'уква раст'от, читаит па складах, па кустах лазийу, па чумых хатах, па дакументых ана старшы, па баньх, па суднах, па иконах. В краснотичкоўском же говоре такие формы представлены спорадически: па учител'ах, па баньх, па кырманах.

¹ См.: С. М. Грабчиков, Белорусско-русский словарь. М., "Народная асвета", 1970, стр. 52, 99.

² См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, стр. 209.

Подобные конструкции являются характерной особенностью белорусского языка¹, что, видимо, содействует широкому распространению их в ветковских русских говорах.

Эти конструкции отмечены также в орловских² и курских³ говорах. Данная языковая особенность отмечалась в литературном русском языке еще в начале XIX века⁴. Возможно, что это остаток древнерусской формы, ибо в древнерусском языке конструкция, состоящая из предлога по и существительного в предложном падеже, имела широкое распространение.

В некоторых словах в красночикойском и ветковском говорах формы дательного падежа отличаются переносом места ударения с основы на флексию: дачкам, груздам, даскам и другие.

Творительный падеж

В красночикойском говоре имена существительные всех трех родов в творительном падеже имеют флексии: -ам (-ям), -ами (-ями), редко -ими. Наиболее употребительна из них флексия -ам (-ям). А. М. Селищев в свое время отмечал в говоре семейских села Десятниково преимущественное употребление формы множественного числа, оканчивающейся на -м, объясняя это тем, что половину населения здесь составляли сибиряки⁵.

За прошедшие 50 лет под влиянием окружающих сибирских говоров сфера употребления флексии -ам в красночикойском семейском говоре расширилась: с парнишкам, з грабл'ам, свин':ам, с пытрахам, пад на'рам, с п'алкам, зраста'ит ус'о й'олкам, за дв'ум с'ирмам хад'ила; свата'ют сы сватам; с эт'ым зыпанам; с рукавицам аставил ден'ди.

Причиной обообщения флексии -ам в двух падежах (дательном и творительном) С. П. Обнорский считает судьбу категории двойственного числа, где по всем типам склонения функционировало одинаковое окончание для этих падежей во множественном числе -ма. С утратой двойственного числа постоянство, сходство окончаний его дательного и творительного падежей закрепилось за категорией мно-

¹ См.: Е. Ф. Карский. Белорусы, стр. 190-191.

² См.: Васьянов. Курское наречие. - "Очерки России, изд. В. Пассека", кн. 4. М., 1840, стр. 17.

³ См.: Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губ. - "Со. ОРИС", т. 76. СПб., 1904, стр. 86.

⁴ См.: Л. А. Булаховский. Русский литературный язык I половины 19 века. М., Учпедгиз, 1954, стр. 365.

⁵ См.: А. М. Селищев. Диалектологический очерк..., стр.

жественного числа¹. Этому могла содействовать также и редукция безударных конечных гласных.

Формы творительного падежа множественного числа в орловских говорах "начисто отсутствуют"².

В говоре ветковских старообрядцев нами отмечено всего два случая употребления этих форм с -м: трём тр'апалкам; шапка бусьчкам.

В краснотичкойском говоре параллельно с флексией -ам функционирует флексия, характерная для литературного языка: лыпатами, грабл'ами, с'арпами, палками, вилами.

После мягких согласных в творительном падеже множественного числа спорадически встречается безударная флексия -ими: нитками, граблями, сем'ими.

В ветковском говоре, по нашим наблюдениям, доминируют флексии, характерные для литературного языка: -ами, -ями, (-ьми - в безударном положении после твердых согласных). Флексии -ами, -ями, исконные для имен бывшей основы на -а, -я, появились в других типах основ благодаря тенденции к унификации различных типов склонения. Примеры: с л'уд'ами н'а пагавориш; кал'цами н'а абручайут'; грива - вазвышён':а между балотами; в'аш:ами дарили, на свад'бы, хлапцами были, багатни давали тыс'ачи за дачир'ами; прастинами застилали.

"Окончание, характерное для литературного языка, мы находим во всех южных говорах", - утверждает П. С. Кузнецов³. Доминирующее положение флексии -ами в системе флексий творительного падежа всех трех родов в ветковском говоре, южновеликорусском в своей основе, подтверждает это положение.

Иногда после мягких согласных в ветковском говоре встречается в творительном падеже безударная флексия -ими: галаву убирали грёними; умывал'ник той з двум'а носикими: оудут л'убит' кол':ими.

Причиной происхождения этих форм С. П. Обнорский считает аналогичное воздействие со стороны творительного падежа множественного числа местоименного типа склонения⁴. Предпосылкой для осуществления аналогии с прилагательными послужила редукция гласного а в заударном положении, свойственная акающему вокализму.

¹ См.: С. П. Обнорский И. Указ. соч., вып. 2.

² С. И. Котков. К изучению орловских говоров., стр. 125; Е. И. Резанова. Указ. соч., стр. 203.

³ П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., Учпедгиз. 1954, стр. 348.

⁴ См.: С. П. Обнорский И. Указ. соч., вып. 2, стр. 348.

Предположение такого рода высказывают также Р. И. Аванесов и другие исследователи¹.

Нами зафиксированы единичные случаи употребления существительных 3-го типа склонения с исконной основой на -ьми: чуланы были з дв'ар'ми; слиз'ми умойус'а.

Флексии -ими, -ми характерны для многих говоров юго-восточной диалектной зоны южного наречия².

Параллельное употребление флексий -ми и -ями наблюдается в орловских говорах³. Широко представлены формы на -ми в белорусском языке⁴.

Предложный падеж

Имена существительные всех трех родов в предложном падеже множественного числа имеют флексии, характерные для литературного языка: -ах, -ях. Эти флексии употребляются в красночикийском и ветковском говорах в абсолютном большинстве случаев: красночик. у тр'ох с'ам'йах жыла, у халатах тол'ка м'ал'кайут', ны карт'ощка-ках прыиграл, буду старайа в ейных гадах; ветковск. на кладбиш:ах, на л'асах, у кур'ан'ах, у стапах, у нивах на пн'ах.

Расхождение с литературным языком в употреблении форм предложного падежа множественного числа и в ветковском и в красночикийском говорах наблюдается главным образом в переносе ударения с основы на флексию или, наоборот, с флексии на основу: красночик. у с'а м'йах, у краснах, на коньх; ветковск. нь кал'асах, у д'ареун'ах.

И в ветковском, и в красночикийском говорах в заударном положении спорадически употребляется флексия -их: на коньх, в кал'осс:их, в д'ареун'их. Подобные формы характерны для украинского языка особенно северновосточных и некоторых центральных районов Украины⁵.

В красночикийском говоре встречены формы на -ей: ап чужых

¹ См.: Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. - "Материалы и исследования по русской диалектологии", т. 17. М., 1949, стр. 213; Л. Э. Калнынь. К истории коломенских говоров. - "Тр. Ин-та языкознания АН СССР", т. VII. М., 1957, стр. 33.

² См.: "Русская диалектология". Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., "Наука", 1964, стр. 262.

³ См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров..., стр. 123-124.

⁴ См.: Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 54-65.

⁵ См.: Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 87-95.

гостей охаиш; на трайх каней поль успашы; ус'о аб л'удей думайт'.

Таким образом, исследованная нами система именного склонения свидетельствует о принадлежности семейского говора к южновеликорусскому наречию, на что указывают формы родительного падежа множественного числа на -е, -и существительных I-го склонения (с работи, у с'астре); безударная флексия -ы у существительных среднего рода с твердой основой в форме именительного падежа множественного числа (окны, йайсы); окончание -ы в именительном падеже множественного числа у существительных на -онок (цыц'аты, шырс'аты).

Для именного склонения краснотойского говора характерны черты, подтверждающие былое влияние белорусского языка, а именно преобладание форм на -ои (-ей) в творительном падеже единственного числа существительных I-го склонения (з жано́й, з в'амл'о́й, з гаро́й, з даско́й, с р'ако́й); флексии -ы, -и у существительных мужского рода и именительного падежа множественного числа (домы, глаза, рукавы).

Краснотойский переселенческий говор воспринял также некоторые диалектные особенности, характерные для окружающих севернорусских говоров сибиряков. Сюда относится прежде всего широко распространенное в изучаемом говоре окончание творительного падежа множественного числа -ам, -ям для существительных всех трех родов (с парн'ишка́м, с част'а́м, з дама́м, с пал'а́м, с матир'а́м, с пастел'а́м). Окончание -ам, -ям составляет отличительную черту северновеликорусских говоров. В исходных южновеликорусских говорах она не отмечена.

Под влиянием северновеликорусских сибирских говоров имена существительные среднего рода заменяются в большинстве случаев существительными мужского рода (бал'шо́й, крыл'со́, чистый акно́, белый лисо́).

В исходных южновеликорусских говорах частичное разрушение категории среднего рода сопровождается заменой его через доминанту женского рода.

Таким образом, краснотойский южновеликорусский говор, испытавший на себе влияние окружающих севернорусских сибирских говоров, а также впитавший в себя особенности говоров белорусского языка, характеризуется на настоящем этапе своего развития пестротой падежных форм, частичным разрушением категории среднего рода, хотя усиливающееся воздействие норм литературного языка сдерживает процесс перехода существительных среднего рода в категорию мужского и женского родов, а также способствует унификации парадигм склонения существительных.